

— Я писал, и рядом всегда лежал четвёртый том «Тихого Дона» — того самого первого издания, без купюр. Я считаю его совершенным — и по содержанию, и по мастерству изложения. Вот у кого учиться и учиться...

— Шолохов — пример для подражания? — Я им восхищался и старался писать на таком же уровне. Думаю, что у меня это получилось.

— Как вообще у вас родился замысел этого романа?

— Всегда вначале у меня выстраивается план, потому что чувствовать роман надо нутром. Но дело в том, что на тот момент я писал совсем другое произведение. Тоже роман, который называется «Противостояние» — о начале ельцинской эпохи...

— Серьёзно?

— Да. И моя задача была на примере отдельно взятого района попробовать противостоять этой вакханалии, которая исходила из Москвы. Я был уверен, что справлюсь, 70% романа уже было написано. Он давно бы уже был закончен, если бы меня не попросили лирический рассказ для одного журнала. И такой рассказ у меня был — где Он и Она счастливо прожили в браке 30 лет. Прежде чем отдать в печать, я его перечитал. И вдруг понял, что это никак не рассказ. Из этого надо делать даже не повесть, а роман. Это была такая ослепительная вспышка, что я даже увидел строчки из начала романа и из финала. Дальше была чисто техническая работа. Я включил компьютер и, как художник на пленере пишет пейзаж, так — глава за главой — я стал записывать то, что видел перед собой. Так был написан первый вариант романа. За шесть месяцев — без отрыва от работы.

— Интересно. Теперь у вас на подходе уже шестой том собрания сочинений. Что в нём?

— В шестом томе будет чистая проза — одни повести. Особенно характерна повесть «Хождение за правами». В ней я показываю наше сегодняшнее московское жизнеустройство со всеми его многочисленными проблемами. Я их не перечисляю, а литературно выписываю, становясь в один ряд с читателем. И отвечаю на вопрос, поставленный Некрасовым: кому живётся весело, вольготно на Руси. Отвечаю, что жить хорошо только власти, и показываю коррупцию. Сколько бюрократической волокиты, сколько справок и разных бумаг требуют от граждан, а в итоге оказываются, это никому не нужно. Цель одна — выкачать из людей деньги. Я сам через это прошёл.

— Восьмая злободневная тема...

— Вторая повесть ещё сложнее. Она называется «Глазунов». Это широкомасштабное полотно, по объёму — хороший роман. Я пишу, каким увидел Илью Глазунова, каким его знал. Так его ещё никто и никогда не подавал — Илья Глазунов без прикрас. При жизни о нём писали либо плохо, либо исключительно хорошо, а ведь ни первое, ни второе не позволяет в

полном объёме оценить эту историческую личность. Глазунов — художник, преподаватель, организатор, руководитель Академии художеств и просто человек — со всеми слабыми и сильными сторонами...

Прочитав «моего» Глазунова, люди смогут в полной мере оценить эту грандиозную фигуру, тем более, что я не навязываю своего мнения. Просто описываю события, в которых участвовал сам.

— Солидный, должно быть, выйдет том?

— Запланировано 600 страниц, но думаю, будет больше.

— Уже намерены и этот том расширять?

— А произошло вот что. Том уже был сверстан, мне дали гранки. Я сел читать и понял, что осталось ещё много недосказанного. Вначале я писал ручкой на полях. Теперь переношу свои записи в электронный вариант рукописи. Хотелось бы на днях работу закончить, но вспоминаются всё новые эпизоды, и грех это упускать.

Впрочем, и без них произведение состоялось как таковое, пусть шестой том таким и будет. Но я уже знаю, что к этим двум повестям надо вернуться. «Хождение за правами» — это же не только получение водительских прав и связанные с этим страдания героя. Там герой один — Иван Переверзин, и у него не только одни эти события.

— А пока давайте вернёмся к началу нашего разговора. Скажите, как вы восприняли решение издательства включить ваше произведение в серию «100 лучших романов». Это было для вас полной неожиданностью или в глубине души вы надеялись, что когда-нибудь это произойдёт?

— Как-то я дал почитать Андрею Деметьеву книгу своих стихов «Северный гром». Через какое-то время он звонит: «Надо подъехать!» Заходит, в руке моя книга. «Это — Нобелевская премия, — говорит, — но ты её не получишь». — «Почему?» — удивился я. — «Догадайся сам!».

Я прикинул, кому в разные годы и за что присуждалась Нобелевская премия, и понял, что мне, русскому патриоту, страстно любящему Россию, в связи с известным отношением к нашей стране во всём мире, конечно, её никто не даст. Вот если бы я свою родину хаял, проклинал, как все последние лауреаты, то точно бы получил.

В качестве утешения Андрей сказал: «Ты не расстраивайся! Главное — не количество, а качество. Книга не может пройти бесследно, и твоя слава ещё впереди».

Я теперь хорошо понимаю, что слова его были пророческими...

Ну да: путь на вершину литературного Олимпа не прост. А кто сказал, что идти туда будет легко? Но тем и ответственной там пребывать. Иван Переверзин как никто другой об этом знает и готов держать ответ.

А тем временем серия «100 великих романов» продолжает печатать лучших романов современности.

Любопытно, кто будет следующий?

Так совпало, что в дни выхода романа Иван Переверзин празднует свой 65-летний юбилей. В пресс-службу МСПС поступило много поздравлений в адрес юбиляра. И не только из России! К сожалению, мы не можем опубликовать все, настолько они многочисленны. Но выдержки из некоторых позволим.

Надежда Патино — переводчик, проживает в Мексике: «С новыми прекрасными творческими работами! Пусть мир, удача, благополучие охраняют ваш дом, а здоровье станет лучшим другом!»

Ирина Котельникова — поэтесса, автор многих книг, изданных в России и за рубежом, с. Чара (Каларский район), Забайкальский край: «Многие лета Ивану Ивановичу и его творчеству!»

Руслан Якубовский — прозаик, проживает в Вильнюсе: «Поздравляю! Много прекрасных берегов, и «Ленские» превосходны!»

Пётр Драйшниц — прозаик, лауреат премии «Золотое Перо Руси», проживает в Израиле: «Полку золотых романов прибыло! Горжусь, что на русском берегу!»

Евгений Никитин — бард, г. Екатеринбург: «Кто прочтёт, равнодушным не останется! Поздравляю!»

Галина Лишик (Вербик) — поэтесса, Мосты, Белоруссия: «Неожиданно! Приятно! Достоинно!»

Свои поздравления также прислали **Елизавета Мартынова** — главный редактор журнала «Волга XXI век», **Анна Дубчак** (Болгария), поэт, прозаик, пародист **Михаил Муллин** (Саратов), детский писатель **Елена Арсенина** (Саратовская область), писатель, краевед **Александр Сидоренко**, бард **Тамара Акимова** (Москва), прозаик **Анатолий Костин** (г.Энгельс), поэт **Татьяна Каменева** (Берлин, Германия), переводчик **Зоя Смолянинова** (Нью-Йорк, США) и другие.

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

***

Сомкнув глаза, я словно и не жил: не ликовал, не плакал, не грустил... И как-то стало на душе спокойно, что грешным делом я подумал: смерть — не только страх, не только круговерть, но и любви она порой достойна.

Но от природы всем навек дано за жизнь цепляться, будто в ней руно — то самое, что нам приносит счастье, да только, сколь не жил я по судьбе, ни в радости, ни в горе,
ни в мольбе — не знал его бессмертного участия...

А жить-тужить я больше не хочу, чтоб сон был крепче, выпью первачу да и сомкну опять глаза блаженно... И просыпаться или нет решу я, почувствовав вкус нежный поцелуя моей на радость и печаль царевны.

Моя олива

О, сколько раз, прекрасно помню, о, сколько раз, о, сколько раз, до грусти было нелегко мне без красоты любимых глаз.

Но не дремал мой страстный гений в надежде чуда творить, — и я дождался тех мгновений, — и стали мы — семьёю жить.

Жена и труд, как прозаично! — заметит всякий прохиндей. Но часто от тоски столичной нас приходил спасать хорей.

Рождённый в моём гордом сердце, настроенный на песнь любви, он наяву творил бессмертье, да так, что молили соловьи.

И не было людей счастливей, и не было людей светлей, чем мы с тобой,

моя олива, — из солнца, листьев и дождей...

Нас злое время не согнуло, но сделало мудрей, да так, что даже за суровым гулом не слышен чёрной смерти шаг.

***

Живу под неумолчный шум колёс несущихся машин по магистрали... Как будто жизнь надумала до слёз с годами извести меня в печали.

Оглохнуть бы и, как Бетховен, жить, лишь музыку души счастливо слыша, да так, что и в веках не позабыть, и становиться молодой и выше.

Но шум машин, конечно, не беда... Я просто чересчур сгущаю краски, которыми пишу судьбу всегда, как в ощущение грозовой развязки.

Пусть будет жизнь такою, как теперь, — достанет мне навек любви и чести, ведь даже ледяную боль потерь назначено нам пересилить вместе.

***

Как зло я ни думай, до слёз не крепись, но будет угрюмой и горестной жизнь.

Я в этом виновен, виновен без слов, — и так мне хреново, что запил бы вновь...

Но будто нарочно смотрю в глубь себя — неужто досрочно придёт мне труба?

А как же хотелось рассветной любви, и страстного дела, и страсти в крови!

И где я дал маху, в башку не возьму. По лестнице страха схожу в злую тьму.

Ау! свет небесный, готов я вскричать. Но лучше у бездны, как бездна, молчать...

***

Нет, не зови, чтобы пришёл... Я никому теперь не нужен, ведь выжжена душа, как дол, а, может, и намного хуже.

Вокруг ни света, ни огня, весна, а кажется, что осень... Как будто сам Господь меня без оправданья в бездну бросил.

Мне бы вперёд пойти, да груз ответственности перед прошлым к земле сгибает через грусть — и я кажусь угрюмо дошлым.

В огромном скопище домов, людей, трамваев, остановок — не нахожу заветных слов, чтобы уйти от злых уловок...

Вот и попал в одну душу, причём, по собственной промашке. Да, среди мёртвых я живой, а вот среди живых мне тяжко...

Всё холоднее сыпет дождь, и вряд ли стихнет до могилы. Меня ты, думаю, поймёшь! Уверен, коль не разлюбила...

***

Дождь часто лил, как заведённый, всё холодало с каждым днём. И вдруг с утра на небе сонном всполохи вспыхнули огнём, меняя синий цвет на красный, тянули, как магнит, к себе... Как будто жить вдруг стало ясно мне в нескончаемой борьбе.

И вскоре само солнце с взглядом, горящим золотом сплошным, по облакам — небесным скатам — всходило сквозь прозрачный дым и с силой солнечно безмерной в рассветно-голубую высь, мол, всяк, живущий Божьей верой, вселенской красотой дивись...

Не знаю, как другие люди, но я, так долго ждавший снег, смотрел на солнце, как на чудо, вдруг сбывшееся в грозный век. Взгляд полыхал! Как молот, сердце стучало в полной мере сил. Ну словно встретил я бессмертье — и страстно им исполнен был!

Хотелось петь, хотелось плакать и, враз уйдя в себя, молчать, но с осознанием, что за мраком отныне мне лишь свет алкать. И всё: печаль, тоска, страданье, мне сердце мучившие злом, казались сном настолько давним, что власть засплю я новым сном.

***

Проблемы в жизни горькой, злой, то в виде клеветы мерзавцев, то в виде ссоры непростой с любимой, не дают собраться, чтоб делу сердца, как любви, служить решительно, заветно до светлой радости в крови, несущейся звенящим ветром!